

Солнце состарило день. Морозная дымка над городом прикрыла ресницы дня. Усталое солнце нависло над горизонтом, ищет место, куда бы присесть и уснуть. Мне показалось — солнце в задумчивости остановилось; оказалось, остановился автобус, в котором я ехал. У меня ужасно болела поясница и не слушались ноги. Опираясь на палочку и держась у выхода за стойку рукой, пропустил спешащих пассажиров, вывалился сам. Ноги не слушаются моей воли. Автобус не доехал до автобусной остановки метров двадцать, ему мешали другие машины.

От автобусной остановки двинулся до своего дома. Я не ощущаю пространства, меня штормит, что-то в левой части груди периодически сдавливает боль. Про себя — себя проклинаю: зачем я сегодня столько ходил, предлагая свою книгу людям? Да будь проклята эта литература. Нет от неё мне покоя ни днём, ни ночью. Всё хочется людям рассказать что-то интересное, нужное для жизни, чтоб они, люди, не повторяли ошибок, которые были в жизни других людей. Почему человек учится

жизни на своих ошибках? Выходит наоборот: народ учит писателя, что именно писать. А мой народ — ни рыба ни мясо, на него перцем посыпь — не реагирует, солью завали — скажет: благодать, выпить дайте и селёдки, соли у нас навалом. От моего народа ничего не возьмёшь, ничему не научишься.

Бойкое людское движение. Все спешат по своим делам, только я никуда не спешу, моё солнце зависло на закате. Мужчина аккуратно обошёл меня, раскоряченного на тропинке. Он, не оглядываясь, широким шагом в горку подался к магазину «Пиво, водка, вина».

Я добрался до сквера, улёгся на скамейку, заляпанную голубиным помётом. Выбирать не приходится, что есть, то есть. Выгибаю поясницу — больно, она хрустит, замер, лежу, не двигаюсь. Через несколько минут становится легче. Мимо меня проходят люди, я вижу мужские, женские ноги. Ах, как хорошо лежать в морозной пелене, видеть отработанный день, засыпающий день. Нет, это день уж от усталости в дрёме. Это я на лавке от усталости, от притихшей боли засыпаю. Кто-то лизнул меня в лицо. Открываю глаза: собачка косматая, вытянулась, на задних ножках стоит, обнюхивает меня.

— Так можно и замёрзнуть, спасибо, что разбудила, — говорю собачке.

Она испуганно скульнула, убежала. Закурил сигарету. Солнце осело за горизонт наполовину. Розовый горизонт, розовые облака, а были недавно серыми, с черноватыми подпалинами. Банально видеть всякий раз заход солнца и описывать его, подумал я, затягиваясь сигаретой. Дым от табака во мне вызвал до одури неприятное ощущение. Отшвырнул сигарету далеко в снег. Встал, с трудом переставляя ноги, пошёл, мечтая добраться до аптеки. Наивная во мне Божья простота. Я, как утопающий, хватаюсь за соломинку. Авось в аптеке, думал я, согреюсь, лекарства куплю. Меня трясёт — то ли от боли, то ли от холода.

Чик-чирик, шарк да шарк по утоптанному снегу. Воробышком допрыгал до аптеки. Ступени победили меня, ручка дверная не даёт отдохнуть. В тёплом воздухе — смешанный запах лекарств, с примесью женских духов. Протираю, протираю глаза, красноватый полумрак от солнечных

лучей. У окошка, где принимают деньги и выдают лекарства, никого нет. В аптеке тишина. Поцарапал в окошечко — тишина. Стоять больше не могу, навалился на витраж, держусь мёртвой хваткой. Стучу в окошко кулаком. Из подсобки выглянула девочка, закричала:

— Чего стучишь как ненормальный? Видела, стоишь, освобожусь — подойду.

— Девушка, мне бы аспирина и анальгину.

— Успеешь, не подохнешь.

Она скрылась в подсобке, В дверь выглянула другая девушка, с распущенными сосульками, словно давно не мытыми волосами, они закрывали лицо, торчал только нос. Она запахнула халат, с полки достала упаковку с лекарствами.

— Дед, тебе сколько?

— Одну упаковку.

— Не будет мало?

Она назвала сумму. Я подал деньги, получил лекарство. Отделил по две таблетки с каждой упаковки. Попросил воды запить.

— А тебе больше ничего не надо?

— Девушка, мне плохо, если не выпью лекарства — не дойду домой.

— Так лекарство жри сколько хочешь, воды у нас нет для вас.

— У вас есть же умывальник, есть вода сырая.

— Есть, да не про вашу честь. Вот возьмите, если вам так хочется запить таблетки, ёмкость, два литра, дистиллированной воды, с вас сто пятьдесят рублей.

— Такое количество воды мне не надо. Мне хватит и сто пятьдесят грамм сырой воды, запить, понимаете, лекарство запить.

— Не надо так, не надо, отойдите от окошка.

Она поставила бутылку на место, ушла в подсобку. Я совсем ослаб, мне дурно от сердечного участия девушек в моей беде. Держа таблетки в зажатой ладони, сполз по стенке на пол, сижу, ноги вытянув. Возможно, вот сейчас сделаю последний вдох, а выдох произойдёт сам по себе. Вошла в аптеку пожилая женщина. Постучала в окошко, посмотрела на меня:

— Дед, что, кайф поймал?

Я ничего не ответил. И вдруг понял, почему девушки так грубо со мной обошлись. В аптеку постоянно обращаются за лекарством наркоманы, они варят ханку, добавляют в неё анальгин и другие лекарства. Девушка прокричала в окошко:

— Дед, давай выметайся с аптеки, нагадишь здесь — после тебя убирай. Давай-давай, не смотри на меня так зло, или я милицию вызову.

— Девушка, лучше вызовите скорую.

— Пусть тебе вызывает жена, а я не обязана.

Я собрал волю в кулак, встал, шатаюсь, опираясь на палочку, вышел из аптеки. Женщина, которая пришла за лекарством, мне вдогонку сказала:

— Нажрутся и валяются где попало, и смерть их не берёт, алкашей.

На реплику ничего не отвечаю, уползаю, как пёс побитый. Мне в моей жизни кем только не приходилось быть: и нищим, и бомжем, и алкоголиком, камни в меня кидали, собаками травили, да всё не перечислить. Но я всегда предпочитаю оставаться человеком, трезво смотреть на этот мир пошлостей и грубостей. У каждого свой взгляд на человека, на окружающую среду, но очень плохо, когда человек не имеет своего взгляда, своего мнения в жизни, он имеет чёрствую душонку. Такие людишки очень опасны, они могут убивать, взрывать и кидать камни в своих близких людей. Стоит одному кинуть камень — и народ мой с удовольствием кидает в своего ближнего.

Иду в гору, ругаю себя за то, что пишу, увлекаюсь литературой, историей человечества, стараюсь об этом людям рассказать. Мне интересно, что было до Гомера, как человечество жило без культуры, без литературы, почему наш земной шар летит в космическом пространстве со скоростью триста километров в одну минуту. Я говорю об этом встречным-поперечным, они на меня смотрят как на сумасшедшего, им это неинтересно, не нужно. Может, и мне бросить всё это? Жить, улыбаться, ничем не интересоваться, оправдывать, восхищаться любой глупостью и хапать как можно больше материальных ценностей, продуктов питания? Стать полным мещанином, обывателем, а книги выбросить на свалку?

Ноги мои, ноги, как вы молодыми бегали по горам, по долам и усталости не знали, а теперь бастуете, не хотите идти домой. лягу, прилягу на снежок у дороги, авось кто-нибудь скатит в кювет, там чище, мягче снежок. Романтика — лежать у дороги. Как там у Беранже? Вспомнить в таком состоянии не могу. Машин нет, прохожих не предвидится, все прошли, все ушли, один я лежу — неопределённо кто.

Закат давно угас, и ночка тёмная была. В городской черте никто никогда звёзд на небе не рассматривает, одни городские поэты видят через стены своих квартир звёзды на небе. Я, за пятьдесят лет городской жизни никогда не видел звёзд на небе. Стыдно мне, конечно, что звёзд в городе не вижу, хотя я не слепой и очень наблюдательный старичок. Лежу на снегу, он спину холодит, и мне так приятно, одним словом — романтика. Такая в жизни малость, а приятная. Спал в снегах Памира, на Диксоне в пургу закапывался в снег, но такого удовольствия не получал. Не зря меня учили любую боль холодом охлаждать. Пробежал парень, на меня ноль внимания, за ним три девушки-хохотушки фронтом прошли. Хотел крикнуть: ах, глупые бабы, взяли б хотя бы меня, старика, — но сдержался. Тут не до высоких фраз и выражений, хотя бы не затоптали. Встал на четвереньки и бодро доковылял до дома. Меня доконали пятьдесят четыре ступени. Вошёл в квартиру, а там жена сидит, кричит:

— Ты где ходишь-бродишь? Ночь на дворе, а тебя нет и нет. Пошла бы искать — не знаю, куда бежать.

Она говорит и говорит, а мне так приятно, одним словом — романтика, меня дома ждут с нетерпением — значит, я кому-то нужен. Покушал. Боль в душе и пояснице не прекращается. Уснул, укрытый усталостью дня. Ночью проснулся, в мозгах такая ясность, словно утреннее солнце высветило горизонты. Встал. Включил компьютер. В шесть часов утра закончил рассказ. Жене, конечно, не дам читать. Боль мою душевную жене лучше не знать. Боль свою я отдам людям — может, они станут чуть-чуть лучше.